

89373

ЦЕНТРАРХИВ

**РУССКО-ПОЛЬСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ**
В ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ

4

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА. ЛЕНИНГРАД

V.N. Karazin Kharkiv National University

00320597

2

1930

3

1930

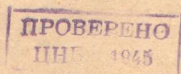
ЦЕНТРАРХИВ

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С предисловием
М. Г. ВАЛЕЦКОГО

Текст подготовлен к печати
Н. М. ЛАПИНСКИМ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА — 1926 — ЛЕНИНГРАД

327

Р—89

ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ГЛАВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ
РККА.

Знаменка, 23.

Главлит 46.245.

Тираж 4.000.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые документы извлечены, главным образом, из двух источников: большая часть—из архива канцелярии б. совета министров, меньшая—из бумаг, обнаруженных в чемодане б. председателя совета министров Б. В. Штюрмера при его задержании; наконец, в виде ценного пояснительного материала, не лишенного, впрочем, и самостоятельного значения, мы печатаем небольшое количество протоколов показаний, данных разными лицами перед учрежденной первым временным правительством 1917 г. „Чрезвычайной следственной комиссией для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц“.

Публикуемые документы, отмеченные в подлинниках почти все пометкой „секретно“, „весьма секретно“ и „совершенно секретно“, при всей их крупной исторической ценности, все же отнюдь не исчерпывают того богатства документальных данных по истории польско-русских отношений в период мировой войны и последних лет царизма, которые еще таятся в архивах СССР.

Для выяснения истории пресловутого воззвания Николая Николаевича Романова, обращенного к полякам и послужившего отправной точкой всего позднейшего бюрократического псевдо-творчества, направленного к „разрешению“ польской проблемы, служит в настоящем сборнике всего лишь один документ, притом уж более позднего происхождения, а именно протокол показаний, данных чрезвычайной следственной комиссией таким высоко компетентным свидетелем, как б. начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Янушкевич. Эти показания проливают на вопрос об истории великокняжеского воззвания больше света, чем скудные данные, встречающиеся в мемуарах Палеолога (опублик. в 1921 г.), в переписке Сухомлинова и Янушкевича (опублик. в 1922 г.) и др. Без сомнения, чрез-

вычайной ценности документы, относящиеся к этому вопросу, имеются в архиве бывш. министерства иностранных дел. В особенности переписка русских послов в Лондоне и Париже с министром иностранных дел в Петрограде представляет для истории польского вопроса в период мировой войны совершенно исключительную ценность. До тех пор, пока пролетарская революция не откроет тайных архивов на Quai d'Orsay и на Downing Street, эта переписка одна сможет осветить двуличную, трусливую и цинично-своекорыстную политику антантовских кабинетов, ведших войну под лозунгом „освобождения наций“. Всю ценность этого архивного материала обнаруживает то единственное письмо Извольского на имя Сазонова от 25 апреля 1916 г., которое удалось в настоящем сборнике предать гласности. Письмо это, в котором мы находим доказательство почти беспредельной угодливости правительства французской республики по отношению к царизму в области польских дел, является, несомненно, только одним из многих, посвященных этим делам; в нем же мы находим указание на существование программной записки, составленной руководящим политиком буржуазной Польши Романом Дмовским и направленной им из Парижа Сазонову через посредство русского посла в Париже.

Вся развертывающаяся перед нашими глазами, при чтении публикуемых документов, картина сводится к следующему: с одной стороны, некоторые высшие бюрократические или военные круги, периодически, под давлением тех или иных событий, руководствуясь теми или иными соображениями, предлагают совершить какой-либо шаг по направлению к разрешению польского вопроса: „Вообще, казалось бы, ныне наступило время дать полякам некоторые положительные заверения относительно предположенных им уступок“, — заявляет начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Янушкевич в октябре 1914 г. (см. меморию совета министров 20 и 30. X и 5, 12 и 15. XI 1914 г.). „Австрия предлагает полякам точно определенные права... Единственная возможность расположить поляков в пользу России состоит в том, чтобы теперь же, без промедления, реально осуществить им обещанное, в... размерах... которые, конечно, не должны быть меньше того, что предлагает полякам Австрия“, — пишет 16 июня 1916 г. ген. Брусилов новому начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексееву. „С. Д. Сазонов считал бы осуществление высочайше предначеченного мероприятия, по политическим соображениям, неотложным“, — пишет управляющий мини-

стерством иностранных дел Нератов в докладной записке Николаю II 6 июня 1916 г. И, наконец, 12 января 1917 г. последний царский председатель совета министров кн. Голицын предлагает в докладе Николаю II образовать „особое совещание“ для „соображения“ польского вопроса и присовокупляет, что „в виду нынешнего общего политического положения, работам означенного особого совещания... было бы желательно придать характер срочности“.

С другой стороны, неизменно, часть бывшей бюрократии,—и всегда решающая часть,—успевает сводить на нет робкую инициативу своих коллег. Меньшинство (решающее меньшинство с Щегловитовым во главе) членов совета министров считает, в октябре — ноябре 1914 г., „разрешение польского вопроса... несвоевременным и подлежащим обсуждению лишь по окончании войны“. „Ни один из доводов... не убеждает меня в том, что время настало“, пишет председатель совета министров Штюмер в докладе Николаю II в мае 1916 г. При многократном обсуждении многочисленных проектов устройства Польши царские министры торгуются между собою на счет каждой статьи: „Польша не может получить больше, чем Россия... Максимум того, что можно сделать—в городском и земском управлении ввести польский язык“ (протокол заседания совета министров октябрь—ноябрь 1914 г.); „при наместнике будет совет из лиц, назначенных от короны и выборных..., чтобы он знал мнение обывателей“ (там же); спорят о том, в какой форме,—в виде законодательного акта, или царского манифеста, или же, наконец, „путем издания... всемилостивейшего рескрипта варшавскому генерал-губернатору“,—„добрая весть о реформах“ должна быть „возвещена польскому населению“ (особый журнал сов. мин. февр. 1915 г.). Толкуют о беспредельности польских appetitов: „Их все равно ничем не удовлетворишь“ (заседание совета министров, октябрь—ноябрь 1914 г.), необходимо установить „предел для слишком далеко идущих вожделений“ (особ. журнал совета министров, февраль 1915 г.); нельзя поддаваться „исторически определившейся излишней нервности поляков“, пишет Штюмер в мае 1916 г. в докладе Николаю, и в последующем докладе углубляет эту мысль: „Многое уже даровано вашим величеством и августейшими предками вашими полякам..., но... никогда царские милости и доверие монархов не могли удовлетворить польских политических деятелей. Их искания безграничны“...

Ни лица, ни воли Николая за всей этой игрой не видно. При посещении его гр. Вл. Велепольским (6 августа 1916 г.),

представившим ему свой проект по польскому вопросу, Николай, выразив ему „полное сочувствие и одобрение“, попросил его, однако, представить проект императрице, добавив, что „она умная женщина, и он советуется с ней по всем вопросам“. И через несколько дней Штюмер телеграфировал Николаю в ставку, что царица, принявшая Велепольского, просит „задержать решение польского вопроса до ее приезда в ставку“. Из опубликованной переписки царицы явствует, что она запросила мнение Распутина, который высказался против.

Весьма ярко в публикуемых в настоящем сборнике документах обрисовывается роль руководящих польских буржуазных политиков. Эта роль тем интереснее, что, в противоположность русским государственным мужам этого периода, бесповоротно сметенным революцией с исторической сцены, почти все выступающие в этих документах польские политики занимают и поныне в буржуазной польской республике, возникшей впоследствии как побочный продукт Российской (и германской 1918 г.) революции, видные и виднейшие государственные посты.

Некоторые из них, как Станислав Грабский, профессор Львовского университета, в 1923 году министр народного просвещения Польши, ныне специальный делегат польского правительства в Ватикан для заключения конкордата с папой, сочли своим польским патриотическим долгом опуститься до роли полицейских осведомителей царских генерал-губернаторов подобные же добровольческие функции взял на себя ряд польских аристократов-политиков с гр. Адамом ЗамоЙским во главе (см. приложение). Печатаемый в настоящем сборнике доклад петроградского окраинного отделения министру внутренних дел от 16 мая 1916 г. ссылается на „данные осведомления“, доверительнейшим образом добытые у официальных руководителей польской политики в Петрограде.

Более глубокий политический интерес представляют записки именитых польских политиков (графов Сигизмунда и Владислава Велепольских и кн. Любомирского) Николаю II и в особенности протокол польско-русского совещания в мае 1915 г. На этом совещании Роман Дмовский,—в 1923 г. министр иностранных дел Польской республики, вождь крупнейшей буржуазной польской партии, народной демократии,—требует у царя через царских министров лишь „известную степень самостоятельности во внутреннем упра-

влении Польского края"; и Владислав Грабский, ныне (окт. 1925 г.) премьер правительства Польской республики, выступая от имени „простолюди, т.-е. серых масс поляков, крестьян и горожан“, советовавших у „своих старших братьев поляков же, помещиков“, просил у царя через царских министров „реформ“, которые „должны в Царстве Польском распространить основное понятие о самоуправлении на все то, что касается культуры и краевого хозяйства“.

Не менее ценными и не менее лишенными актуальности являются детали, приведенные в докладной записке Сазонова и в письме Извольского Сазонову, о размерах „вмешательства“ в пользу Польши, предпринимавшегося в 1916 г. руководителями Франции,—ныне главной оберегательницы независимости и цельности версальской Польши,—перед царским правительством. „Г-н Бриан, пишет Извольский, сумел с обычной своею ловкостью (sic!) устранить предложение г-на Буржуа“ (Буржуа хотел внести на союзнической конференции в марте 1916 г. резолюцию „об освободительных задачах войны, в которой прямо не говорилось о Польше, но которая могла послужить поощрением стремлений поставить польский вопрос на международную почву“). Но все же Бриан послал своему послу в Петрограде телеграмму по польскому вопросу, „составленную в очень осторожных выражениях“, которой послом был придан „еще более безобидный характер“, но которую Бриан сумел использовать перед парижскими полонофилами, „как доказательство активной заботливости французского правительства о поляках“.

За последнее время появились в Польше две об'емистые книги, трактующие предмет, к которому относятся материалы, публикуемые в настоящем сборнике: профессора Шимона Аскенази, б. представителя Польши в Лиге Наций, в период мировой войны умеренного германофила („Uwagi“, Warszawa, 1924, str. 495), и названного Романа Дмовского, во время мировой войны, и до нее, ярого руссо-и царофила (Polityka Polska i Odbudowanie państwa. Warszawa, 1925, str. 632).

Оба пытаются доказать, каждый по своему, что они и их политические друзья являются виновниками восстановления державной Польши.

Настоящий сборник документов показывает, каковы были бы судьбы Польши, если бы мечты польских буржуазных политиков в период войны сбылись, если бы их осуществлению не помешала победоносная Российская Революция.

М. Г. Валецкий.

ОТ РЕДАКЦИИ

Не все публикуемые в настоящем сборнике документы снабжены в подлиннике заголовками. В тех случаях, где мы могли воспроизвести подлинный заголовок, мы отмечали его кавычками. В тех случаях, где печатаемый документ не помечен в подлиннике числом, нами приводится число соответствующего препроводительного документа.

Весь материал разбит нами на пять частей, хронологически соответствующих чередующимся попыткам царской бюрократии и связанных с ней польских кругов найти выход из неразрешимой проблемы. В I-ю часть вошли документы, рисующие первые попытки реализации обещаний, заключавшихся в „воззвании“ Николая Николаевича (от начала войны до февраля 1915 года), во II-ой подобран материал, излагающий преимущественно историю проектов проф. С. Грабского (декабрь 1914 г. и январь—февраль 1915 г.). В III-й части расположены документы, освещающие дальнейшую стадию вопроса: новый обмен мнений о польской проблеме, совещания с участием поляков, закулисный торг и т. д. (февраль—июнь 1915 г.). Документы, приводимые в IV-ой части книги, изображают возобновление интереса к польской проблеме в 1916 году, после годовичного затишья, саботаж Штюрмера и победу царицы; в этой части помещены новые „секретные“ записки, и отражена еще одна неудачная попытка разрешения польского вопроса. В V-ой части даны документы кануна революции (декабрь 1916 г.—январь 1917 г.). В „приложения“ выделена группа документов, освещающих историю „воззвания“ Николая Николаевича и дающих картину политических и партийных нравов польской буржуазии в эпоху империалистической войны.

В конце книги помещен указатель имен, встречающихся в тексте.

Публикуемые документы хранятся в Московском Историко-Революционном Архиве.

I.

1.

Записка Маклакова, Кассо и Щегловитова „о схеме будущего устройства Польского края“ *).

Будущий Польский край должен быть строго ограничен пределами этнографической Польши. Поэтому из нынешних Привислинских губерний в состав этого края не может входить Сувалкская губерния, населенная по преимуществу литовцами, а не поляками.

При устройстве этого края должен стоять незыблемо основной русский закон, гласящий, что государство Российское едино и нераздельно (ст. 1. осн. зак.).

Отсюда следует, что все общегосударственные задачи, связующие государство Российское в одно целое, должны быть разрешаемы общеустановленным для всей империи законодательным порядком, а осуществление их должно протекать по руслу общеимперского управления. „Местные учреждения в Польском крае могут получить известные полномочия в строго очерченных границах местных хозяйственных нужд, без всяких полномочий законодательного характера и без передачи им общеимперского управления“. При осуществлении своих задач местные учреждения Польского края могут пользоваться польским языком с обязательным ведением всего делопроизводства на общегосударственном русском языке. За этими пределами во всех чисто государственных установлениях Польского края должен быть употребляем общегосударственный русский язык,—живое и наглядно проявляющееся связующее начало единого и нераздельного государства Российского.

*) Дело канцелярии совета министров о будущем устройстве Польского края и по его текущим делам, часть I, лист 5.

Общегосударственными делами и задачами, которые ни при каких условиях не могут быть передаваемы местным органам самоуправления Польского края, должны быть почитаемы: дела православной церкви, иностранная политика, военная оборона, суд, учебное дело, административное управление, железные дороги, финансы, за исключением предметов и расходов, относящихся к бюджетам органов самоуправления, общегосударственные займы, денежное обращение, таможенное и акцизное дело, почтовые, телеграфные и телефонные сообщения не местного значения.

Высшая и местная администрация Польского края подчиняются наместнику его императорского величества.

При выборе должностных лиц в крае необходимо знание местного польского языка. На государственную службу в крае могут быть допускаемы поляки, знающие русский язык, без предоставления им численного преобладания над русскими.

Свобода вероисповедания в крае устанавливается одинаковая с остальными частями империи.

По типу русских земских учреждений могут быть устроены гминные, уездные и губернские собрания в строгих рамках местных хозяйственных вопросов. Принимаемые уездными и губернскими земскими собраниями постановления подлежат на общем основании надзору губернской власти и в общем инстанционном порядке подведомственны правительствующему сенату.

Ив. Щегловитов. Л. Кассо. Н. Маклаков.

2.

„Соображения“ министра иностранных дел Сазонова*).

Будущий Польский край будет состоять из нынешних Привислинских губерний и польских земель, кои, в случае победоносной войны, отойдут к России от Германии и от Австрии в Западной Галиции.

Во главе края будет назначен наместник его императорского величества.

Пределы самоуправления края определяются имперским законодательством, при чем должна быть обеспечена нераздельность связи его с империей, для чего все общеимперские интересы должны попрежнему подчиняться имперскому

---

*) Там-же, л. 7.

законодательству и ведаться органами империи, при сохранении участия представителей Польши в имперских законодательных учреждениях.

Иностранные дела, в том числе сношения по делам католической церкви в Польше с св. престолом, вопросы обороны и армии исключаются из ведения местного самоуправления.

Равным образом, в области финансов и путей сообщения должен быть разграничен круг ведения имперских и местных органов.

К числу местных дел могут быть отнесены церковь, школа, краевое и местное хозяйство и, в известных пределах, суд и гражданский правопорядок, с сохранением, однако, власти правительствующего сената в качестве высшей инстанции.

Органами местного самоуправления являются гминные, уездные, губернские и общекраевое собрания. Местные органы должны по возможности приближаться к типу наших земских учреждений. Что касается общекраевого собрания, то создание такового могло бы оправдываться необходимостью единообразного разрешения для всего края разного рода просветительных и хозяйственных вопросов, не входящих в круг имперских интересов. Принимаемые общекраевым собранием постановления утверждаются наместником.

Высшая и местная администрация подчинены наместнику. При выборе лиц необходимо знание местных условий и языка и привлечение по возможности местного элемента.

Права русского населения в крае в вопросах вероисповедания, школы и языка должны быть твердо обеспечены.

Оно не может ни в каких отношениях и условиях располагать меньшими правами и преимуществами, чем польское население.

Равенство и свобода вероисповедания обеспечиваются в крае.

Образование высшее, среднее и низшее—на польском языке, с обязательным, однако, преподаванием, практическим и теоретическим, русского языка в школах средних и высших.

Программа преподавания русского языка определяется компетентными имперскими учреждениями, равно как и преподавания закона божия для православных воспитанников в учебных заведениях края.

Права государственной службы могут быть приобретены лицами, окончившими курс в польских учебных заведениях,

лишь по сдаче экзамена в соответствующих русских учебных заведениях.

Во всех местных учреждениях, в том числе и судебных, должно быть в определенных пределах обеспечено обязательное употребление, на ряду с польским, русского языка.

3.

Черновой протокол заседаний совета министров от 5, 12 и 15 ноября 1924 г., посвященных прениям по вопросу об устройстве Польши*).

5 ноября 1914 г.

1. Уже решено в предыдущ. заседании остановиться на этнограф. признаках, отложив до будущего времени вопрос о Сувалкской губернии.

2. Саз. К этому надо стремиться, но на первое время надо будет сохранить особенности.

Щегл. Мы должны говорить о политическом строе. При переходе одной части государства к другому государству, частноправовые отношения останутся нетронутыми, впредь до изменения их в законодательном порядке.

Крив. Крупное недоразумение. Мы не знаем действ. положения ни Галиции, ни Познани. Под именем политического строя я подразумевал устройство городского управления, земского суда и т. д.

Хари. Нам нужно иметь в виду, что нам нужно сделать сейчас. Нам нужно иметь в виду 9 Привислинских губерний, что мы им можем дать.

Мак. Польша не может получить больше, чем Россия, а те местности, которые будут присоединены, не могут получить (больше), чем Польша.

Пр. Мы можем остановиться на том, что поляки в Привислинском крае получают изв. права и что такие же права, но не больше, получают и галицийские поляки. Их, все равно, ничем не удовлетворишь.

Щегл. С 75 г. достигнуты колоссальные результаты. Ипотека протекает уже на русском языке.

Мак. Максимум того, что можно сделать, — в город. и земском управлении ввести польский язык.

---

*) Там же, л. 27.

Саз. В сохранении *status quo* я вижу политич. опасность. Я согласен с А. В., но и пойти дальше,—допустить судоговорение на польском языке, но право требовать бумаги на государств. языке и введение его в процесс.

Рухл. Теперь уже нельзя становиться на точку существ. положения и в уезд. управлении, и в местном суде ввести польский язык.

Хари. Я согласен, но если русский человек потребует, то все в суде должно быть ему вручено и переведено на русский язык.

Преподавание.

Выделяются частные учебные заведения: в них только русский язык, как предмет преподавания, а все остальное на польском языке.

Низшая школа—все на польском, а потом на русском—русский язык и, конечно, закон божий.

Средняя школа с польским языком, кроме русского языка и русских истории и географии; для нужд русского населения будут русские гимназии. Училища с польским языком не будут давать прав государственной службы.

Крив. Моя мысль такая: Вар. унив.—все на польском языке, кроме изв. предметов, а во Львове все высшие учебные заведения превращаются в русские.

Рухл. Никаких исключений; я бы предоставил это самим советам университетов.

12 ноября 1914 г.¹

4) Наместник.

У него должны быть бóльшие права, чем у ген.-губернатора. Но никаких законодательных прав ему не может быть присвоено.

6А. Это входит в об'ем прав наместника.

Крив. Моя мысль такая, что не все должности замещаются наместником, а есть важнейшие, замещаемые из Петрограда.

6Б. При наместнике будет совет из лиц, назначаемых от короны, и выборных от органов самоуправления, чтобы он знал мнение обывателей. Это есть учреждение совеща-

¹) Там-же, л. 28.

тельное. Выборные члены ex officio, напр., варшавский гор. голова.

Рухл. Лучше не предрешать,—м. б., придется дать ему и исполнит. власть—предание суду.

Мак. Я стою за то, чтобы дать ему только совещат. функции.

6 В.

Саз. Наместник должен иметь полное veto (по нецелесообразности), а губернатор по незаконности.

Право роспуска.

Мр. вн. дел согласен все эти дела предоставить наместнику, но чтобы наместник входил в состав сов. м-ров, имея там своего представителя.

Делопроизводство в город. и земск. самоуправлении на польском языке.

Делопроизводство в судах везде на русском языке, а поляк может везде говорить и писать на польском языке.

Крив. Везде во всех судах делопроизводство на русском языке, а судоговорение на польском, а русский должен везде иметь право говорить по-русски и бумаги требовать по-русски.

Хари. Примыкает.

Крив. Поправляется, что судоговорение по-русски, но поляки имеют право требовать.

Щегл. Сущ. положение для гминных судов распространяется на мировых судей.

Крив. В уездных правит. учреждениях делопроизводство вводится на польском языке, а русский может всего требовать на русском.

15 ноября 1914 г.*)

Самоуправление.

Пр. В общих чертах должно быть введено то же самое, что и в России.

Макл. Надо равнять Польшу по России. Я полагаю, что в Ц. П. можно оставить земства уездное и губернское, но т. к. гминное устройство хорошо, то его можно не ломать, и останется мелкая земская единица в виде гмины. Но затем администрат. власть имеет право роспуска.

---

*) Там-же, л. 30.

Крив. В моем перечне у меня была иная схема. Я разногласия делать не буду. Если равнять по нашему земству, то формула легкая. Но, удовлетворя чувству национальной обособленности поляков, им было бы приятно областное земство. Иначе вы ударите по их самолюбию. Поэтому политичнее дать им такое земство. В сущности, это игрушка, но в ней есть опасность. Да, но опасность для самих поляков. Я не скрываю от себя, что они не будут благодарны, но я предлагаю эту схему в наших интересах. При маленьком пространстве края я нахожу целесообразным одно собрание.

Хари. Это деталь. Теперь можно и не предрешать, а сказать, что по типу, приближающемуся к русскому.

Мак. Я решительно возражаю против К. А. Мы теперь видим, к чему ведет неопределенность воззвания главнокомандующего. Если те же права, то вопрос разбивается. Полякам будет отрадно, если они получают самоуправление, но наша цель—не то, чтобы поляки были довольны, а чтобы далеко не отходили от России. Это одна сторона вопроса, политическая, а другая сторона практическая.

Я не разумею для област. собрания ничего, кроме заведывания хозяйств. нуждами, но ими невозможно заведывать одному собранию для обширного края.

Крив. Я согласен, что надо говорить определительно.

Хари. Вопрос об упразднении губерн. земск. собраний уже возбужден у нас. Поэтому лучше там оставить открытым вопрос об областном земстве.

Крив. Какая наша цель: чтобы поляки лучше управлялись или чтобы они были более довольны? Второе—наша главная цель.

Рухл. Если ввести там областное земство, то и нам пришлось бы это ввести; это—начало разложения русского государства. Теперь давать больше того, что мы имеем, не следует.

Крив. Я остаюсь при своем мнении, но разногласия не делаю.

IV. Порядок проведения*).

Крив. Это есть учредительный акт верховной самодержавной власти и должен определиться соизволением его величества.

---

*) Там-же, л. 31.

Хари. В моих мыслях представляется так: в особом акте наметить общие директивы, но издать все в порядке верховн. управления невозможно.

Щегл. Госуд. строй нисколько всем пройденным не колеблется, а потому и нет места для верховной учредит. власти. Осн. зак. не меняются. Единств. возможный путь — законодательный.

Рухл. Вопрос непременно возникнет. Я убежден, что верх. власть при присоединении новых областей может указать осн. начала управления вновь присоедин. областей. Дальше в торж. форме можно наметить вехи для управления изв. края.

Крив. Не преждевременно об этом говорить. Надо к этому вопросу быть готовым.

4.

Мемория совета министров 20 и 30 октября и 5, 12 и 15 ноября 1924 г.

Начальник штаба верховного главнокомандующего довел до сведения председателя совета министров о различных вопросах, возникающих в отношении занятых нами областей Австро-Венгрии. В числе этих вопросов является, по заявлению генерала-от-инфантерии Янушкевича, центральным вопрос польский, и если мы не займем в означенном вопросе определенного положения, управление занятым нами краем станет невозможным. При этом начальник штаба высказал, что вообще, казалось бы, ныне наступило время дать полякам некоторые положительные заверения относительно предположенных им уступок.

Если полное и детальное разрешение польского вопроса теперь, очевидно, и невозможно и преждевременно, то сохранение полной неопределенности в указанном вопросе создает благоприятную атмосферу для развития недоверия в польских кругах и в особенности среди австрийских поляков, отношения которых к нам до сего времени все еще нельзя признать сочувственными. Таковое мнение генерала-от-инфантерии Янушкевича удостоено было в принципе одобрения августейшего верховного главнокомандующего.

С своей стороны, статс-секретарь Горемыкин, придавая возбужденному начальником штаба верховного главно-

*) Там же, л. 41.

командующего вопросу весьма важное значение и разделяя в существе высказанный генералом-от-инфантерии Янушкевичем взгляд о своевременности дать полякам доказательства наших намерений, пойти навстречу их пожеланиям и внести в это дело доступную при современных условиях определенность, предложил из'ясненный вопрос на обсуждение совета министров.

Совет министров, отнесясь к настоящему делу, в виду его государственного значения и вносимых разрешением его в существующий уклад губерний Царства Польского коренных изменений, с исключительным вниманием и посвятив его обсуждению ряд заседаний, пришел к заключению, что, в связи с возведенным в воззвание верховного главнокомандующего 1/14 августа сего года дарованием польскому народу, имеющему быть воссоединенным под скипетром русского царя, свободы в вере, в языке и в самоуправлении, в состав будущего Польского края должны войти как нынешние губернии варшавского генерал-губернаторства, так и те польские земли, которые, если бог благословит русское оружие победою, отойдут к России от Германии и Австро-Венгрии. Будущие границы Польского края должны определяться этнографическим признаком—составом населения. В местностях, кои будут вновь присоединены, необходимо временно сохранить военное управление. Начала будущего гражданского устройства этих местностей предстоит выработать впоследствии, применительно к положению, имеющему быть установленным для губерний Привислинских.

Засим, предстоящее преобразование административного устройства земель, упомянутых в возвании верховного главнокомандующего, подлежит, согласно мнению совета министров, осуществлению на следующих главных основаниях:

1. Свобода вероисповедания в крае.

Сохраняя за православною верою значение первенствующей и господствующей (зак. осн., ст. 62), в крае вводится для католического вероисповедания, сверх обеспеченных уже российским подданным означенного вероисповедания основными законами (ст. 66) свободного отправления их веры и богослужения по обрядам оной:

- 1) Предоставление свободы катехизации.
- 2) Расширение прав епископов по надзору за религиозным обучением в светских школах и управлению семинариями.

3) Отмена некоторых ограничений по открытию новых нештатных монастырей.

4) Облегчение условий возникновения братств при костелах.

5) Расширение прав епископов по возведению храмов, часовен, подвижных престолов и пр., и

6) Некоторые облегчения условий приобретения, отчуждения и распоряжения церковными имуществами.

II. Русский и польский языки в крае.

1) Сохранение русского языка в делопроизводстве всех административных и судебных учреждений края.

2) Предоставление прав государственной службы и льгот по образованию в отношении отбывания воинской повинности лицам, окончившим курс в польских учебных заведениях, при условии сдачи ими экзамена в правительственных комиссиях по установленным для сего программам.

3) Знание польского языка, как условие назначения на все местные судебные и административные должности.

4) Право обращения населения на польском языке во все административные и судебные учреждения края и право представления им на польском языке объяснений.

5) Свобода польского языка во всех общественных учреждениях и в местном самоуправлении.

6) Свобода преподавания на польском языке во всех учебных заведениях края—высших, средних и низших, за исключением русских—языка, словесности, истории и географии и предметов русского права, каковые преподаются на русском языке и обучение коим в учебных заведениях подлежащих разрядов обязательно.

7) Право местного русского населения обращаться на русском языке во все учреждения края и иметь для своих образовательных целей отдельные русские школы.

III. Организация местного управления и самоуправления.

1) Поставление во главе края наместника вашего императорского величества.

2) Образование при наместнике для дел административных особого совета, куда входили бы как члены по назначению правительства, так и представители выборных учреждений края.

3) Полномочия наместника по замещению должностей в крае.

4) Право местных людей на занятие должностей во всех административных и судебных учреждениях края.

5) Введение в крае суда присяжных и выборного мирового суда.

6) Введение городского самоуправления.

7) Организация земских учреждений в крае по образцу существующих в коренных губерниях империи, с теми изменениями, кои вызываются местными особенностями.

Предоставление местной администрации права надзора за законностью постановлений земских собраний. Присвоение наместнику вашего величества: а) права надзора за целесообразностью постановлений губернских земских учреждений; б) права роспуска земских собраний, и в) права утверждения председателей выборных учреждений (земских и городских).

Два члена совета министров: министр юстиции и временно управляющий министерством народного просвещения, признавая разрешение польского вопроса в таковой его постановке преждевременным и подлежащим обсуждению лишь по окончании войны и по удовлетворении всех других, более важных, по их мнению, задач, заявили особое мнение, при сем прилагаемое.

Таковые свои заключения совет министров всеподданнейшим долгом почитает повергнуть на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Подлинная мемория подписана г.г. председателем и членами совета министров ¹⁾ и скреплена исправляющим должность управляющего делами совета.

С подлинным верно:

Начальник отделения канцелярии совета министров

(подпись)

5.

**„Особое мнение меньшинства совета министров“
(Щегловитова, Таубе и Маклакова*).**

Предварительно рассмотрения различных подробностей, касающихся будущего устройства объединенной Польши, необходимо разрешить основной вопрос о том, в какой мере

¹⁾ При чем министр внутренних дел присоединяется к особому мнению (прим. подл.)

самое это об'единение является вообще желательным и целесообразным с точки зрения исключительно русских интересов.

Разрешить этот предварительный вопрос возможно только в связи с определенным выяснением главных целей и желательных для России результатов настоящей войны. В самом деле, если бы беспримерная по напряжению народных сил и по своему международному значению настоящая война закончилась только об'единением Польши, хотя бы и под скипетром русских государей, но без осуществления других, более близко касающихся русского народа, наших исторических задач, то такой результат войны, напоминая собою плачевный прецедент Берлинского конгресса, мог бы повести к весьма глубокому недовольству и разочарованию в самых широких слоях русского народа.

Между тем, рассматривая вопрос об об'единении Польши не в качестве самодовлеющей задачи, а в связи с другими вопросами и в общей перспективе всех целей и исторических задач России, не трудно видеть, что он совершенно отступает на задний план перед другими вопросами первостепенной важности, разрешение которых было бы необходимо поставить в первую очередь, если только господь благословит и далее наше доблестное оружие.

Так, казалось бы, в порядке общих государственных целей, по их важности для России, было бы желательно иметь в виду:

- 1) возможное усиление коренной, собственной России в племенном, экономическом и стратегическом отношении;

- 2) возможное ослабление германизма, как главного в настоящее время врага славянства и России, и

- 3) возможное освобождение других славянских народов из-под власти Германии и Австро-Венгрии (поскольку такое освобождение не противоречило бы прямым интересам России).

Этим общим политическим целям соответствуют определенные конкретные задачи, желательное осуществление которых, по их относительному значению для России, надлежало бы установить в следующей постепенности:

- 1) завершение исторического процесса об'единения всех частей русского народа путем воссоединения с Россией Восточной Галиции, Северной Буковины и Угорской Руси;

---

*) Там-же, л. 43.

2) осуществление исторических задач России в Черном море путем присоединения Царьграда с турецкими проливами;

3) необходимо, по указаниям военного ведомства, выпрямление русской государственной границы со стороны Пруссии, за счет восточной ее части, и в Азиатской Турции;

4) всемерное внутреннее ослабление Германии путем полной территориальной перестройки ее на новых началах с возможным уменьшением территории Пруссии в пользу Франции, Бельгии, Люксембурга, Дании, а равно и мелких германских государств, с восстановлением, быть может, королевства Ганноверского, Гессен-Насау и пр.;

5) объединение и освобождение Польши в возможно полных пределах, но во всяком случае пределах этнографических, а не исторических (что прямо противоречило бы основным интересам и всей истории России);

6) освобождение остальных австрийских славян.

В этом длинном ряде желательных результатов настоящей войны объединение Польши занимает, таким образом, далеко не первое место. Между тем, политика должна, по видимому, всегда считаться с невозможностью осуществления всех решительно желательных для нас в данную минуту целей, и следовательно, с необходимостью заблаговременного выбора между разными более или менее выгодными возможностями.

Восстановление же Польши, поставленное на первый план до разработки других, имеющих, казалось бы, более серьезное значение для нас, задач, могло бы привести к тому, что таковые, не выдвинутые своевременно на то место, которое они должны занимать, остались бы недостигнутыми. Между тем при таких условиях и самое восстановление Польши могло бы отразиться неблагоприятно на других более важных интересах России. Подтверждением сказанному служит уже одно то обстоятельство, что подобная мера при географических условиях расположения Западной Галиции и в особенности Познани могла бы существенно ухудшить и без того трудную в стратегическом отношении ломанную линию, которую представляют наши границы с Германиею и Австриею. Ообенно острожно следовало бы относиться к восстановлению Польши еще и потому, что, судя по историческому прошлому, наши союзники, Англия и Франция (Венский конгресс 1815 г. и 1863 г.), могут обнаружить склонность рассматривать польский вопрос под углом зрения, не имеющим ничего общего с собственно русскими историческими интересами.

Что касается затем фактического разграничения „этнографической“ Польши, то само по себе оно представит несомненные трудности и, по всей вероятности, окажется неприемлемым для большинства польской интеллигенции, которая легко может обнаружить в ближайшем будущем стремление добиться все больших и больших уступок со стороны русского правительства, тем более, что в воззвании верховного главнокомандующего упомянуто о „живом теле Польши“, каким оно было „полтора века тому назад“.

При сложных и неясных для будущности России условиях польского вопроса, естественно возникает мысль, не следует ли эту, едва ли столь существенную для русского народа, задачу объединения Польши считать при будущем заключении мира вообще второстепенной для России и не стремиться во что бы то ни стало к объединению поляков под властью России. Сомнение, возникающее по этому поводу, усугубляется тем, что при несомненно значительном ослаблении Германии после неудачной войны, — особенно в связи с прочими намеченными выше более серьезными мерами, направленными к той же цели, — оставление в германских границах враждебного Германии и ненавидящего ее славянского элемента послужило бы, повидимому, скорее к вящему ее внутреннему ослаблению, чем к ее усилению. И только в случае полного разгрома и распада теперешней Германии и при фактической тогда невозможности обойти разрешение польского вопроса, представится, конечно, предпочтительным объединить польские области под властью России, чем оставить их вне контроля русской правительственной власти.

Все сказанное отнюдь не ослабляется тем соображением, что в воззвании верховного главнокомандующего даны известные обещания воссоединения Польши под скипетром русского царя. Воззвание, конечно, не имело в виду поставить русские интересы на задний план сравнительно с интересами польскими, а потому и следовало бы воссоединение Польши поставить на очередь по окончании войны лишь по удовлетворении всех других более важных задач. Еще менее может быть принято во внимание соображение о том, что иностранные (хотя бы и дружественные нам в данный момент) державы могут проявить попытку склонить нас к непременному восстановлению Польши под риском потерять Русскую Польшу, так как история не знает примера, чтобы держава, завершившая победоносно войну, могла быть принуждена к сокращению своей территории. Поль-

ский вопрос, который мы сумели решить самостоятельно в 60-х годах минувшего века, несмотря на враждебное России давление почти всей Европы, может и должен быть предоставлен решению исключительно лишь России в полном соответствии с русскими государственными интересами.

Рассмотрение со всех указанных точек зрения вопроса о воссоединении Польши приводит к тому заключению, что разрешение его следует считать не первою задачею настоящей тяжелой войны, а задачею, которой должны предшествовать: во-первых, исправление военной границы с Пруссией присоединением к России восточной ее части, являющейся к тому же житницею Германии и населенной литовским племенем, во-вторых, воссоединение с Россиею сопредельных ей частей, занимаемых исконною русскою народностью, в-третьих, осуществление исторических задач России в Черном море и, в-четвертых, действительное внутреннее ослабление Германии. Только по осуществлении всех этих задач воссоединение Польши под скипетром русского царя не может, казалось бы, вызвать серьезных опасений, что само по себе оно сколько-нибудь существенно повредит интересам России, а потому и окажется нежелательным и нецелесообразным для нас.

Щегловитов. Барон Таубе. Маклаков.

6.

Заключение главнокомандующего*).

Доверительно.

Его высокочредовосходительству И. Л. Горемыкину.

Милостивый государь Иван Логгинович.

В бытность государя императора в ставке верховного главнокомандующего его императорскому величеству благоугодно было передать великому князю Николаю Николаевичу подлинную меморию совета министров, состоявшуюся 20 октября—15 ноября сего года по польскому вопросу, и особое, приложенное к ней тремя членами совета министров, мнение, повелев представить по их содержанию его величеству заключение.

Повергнув таковое на высочайшее благовоззрение, августейший верховный главнокомандующий повелел мне сооб-

*) Там-же, л. 48.

щить вашему высокопревосходительству, что его императорское высочество изволил разделить высказанные советом министров соображения.

При этом великий князь в докладе своем оговорил, что отдельные подробности предположений совета и, в частности, организация местного управления, нет сомнения, требуют дальнейшего развития и, быть может, более определенного их выражения. За всем тем его высочество находит, что всесторонняя разработка вопроса явится задачей последующего, по завершении войны, времени и будет иметь законодательный характер.

Независимо от сего, августейший верховный главнокомандующий повелел мне довести до сведения вашего высокопревосходительства, что, признавая направление деятельности помощника варшавского генерал-губернатора егермейстера Эссена несогласованной с настоящими условиями Привислинского края, его императорское высочество не счел, однако, соответственным использовать для устранения сего лица, в виду высокого служебного его положения, предоставленных его высочеству полномочий и лично докладывал по сему поводу государю императору.

Его императорское величество соизволил поручить верховному главнокомандующему передать вашему высокопревосходительству повеление его величества о назначении егермейстера Эссена в правительствующий сенат и представлении на должность помощника варшавского генерал-губернатора по гражданской части лица русского происхождения, по взглядам своим способного уже ныне готовить и, по мере возможности, проводить в жизнь Привислинского края возвещенные польскому народу начала.

О таковой высочайшей воле, по повелению августейшего главнокомандующего, поставляю долгом сообщить вашему высокопревосходительству.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном уважении и истинной преданности

вашего покорного слуги *Н. Янушкевича.*

22 ноября 1914 г. № 597.

II

7.

Секретное отношение начальника штаба верховного главнокомандующего председателю совета министров Горемыкину *).

Секретно.

Милостивый государь Иван Логгинович.

В конце минувшего декабря галицкий военный генерал-губернатор сообщил мне, что профессор львовского университета Грабский возбудил ходатайство о разрешении созвать во Львове для обсуждения связанных с будущею судьбою польских земель вопросов с'езда из представителей разных польских партий как России, так и Австро-Венгрии.

Как вы изволите усмотреть из прилагаемой переписки, задачей означенного с'езда должно было явиться определенное установление тех пожеланий польского общества в области внутреннего управления как губерний Царства Польского, так и ныне находящихся под владычеством Германии и Австрии польских провинций, на коих, по мнению профессора Грабского, могло бы объединиться расположенное к России благомыслящее большинство поляков.

Имея в виду, что вопрос о мероприятиях в этой области был предметом суждений совета министров, и полагая, что разрешение его ни в какой мере не может быть выполнено распоряжением военной власти, я, по повелению верховного главнокомандующего, сообщил графу Бобринскому, что созыв с'езда представляется преждевременным, и что если

*) Дело канц. сов. мин. об устройстве Польского края, л. 55.

таковой и будет созван, то местом его собрания будет Варшава, которая, в случае покорения доблестью русского оружия всех польских земель, конечно, попрежнему останется центром управления. При этом я поставил графа Бобринского в известность, что новый варшавский генерал-губернатор имеет произнести, с высочайшего соизволения, при вступлении в должность особую речь, в которой будет изложено отношение к польскому вопросу, почему не имеется основания к каким-либо выступлениям галицкого генерал-губернатора по этому вопросу.

Вместе с тем графу Бобринскому было указано, что против созыва частного совещания исключительно из местных галицийских деятелей, лишенного, таким образом, общепольского характера, препятствий не имеется, и что относящиеся к сему вопросы могут быть разрешены властью галицийского генерал-губернатора.

Ныне мною получено ответное письмо от графа Бобринского, из коего видно, что предполагавшийся с'езд отсрочен на неопределенное время, при чем, однако, в предвидении его созыва вновь возбуждаются вопросы: во-первых, об участии в с'езде русских поляков и объединении польского комитета в Варшаве с деятельностью галицких поляков, и, во-вторых, о выяснении намерений правительства по польскому вопросу.

Ранее ответа на означенное письмо, долгом считаю препроводить его к вашему высокопревосходительству и просить почтить меня сообщением о взглядах правительства по существу приведенных в нем соображений.

Прошу вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном уважении и истинной преданности

вашего покорного слуги *Н. Янушкевича.*

10 февраля 1915 г.

№ 2209.

Приложения: копии 1) записки профессора Грабского, поданной галицкому генерал-губернатору; 2) письма графа Бобринского, № 7122, с двумя приложениями; 3) письма начальника штаба, № 1301, и 4) письма графа Бобринского, № 3284.

Докладная записка проф. Грабского *).

Копия.

Секретно.

1. С наступлением напряжения в политических отношениях Австрии к России (аннексия Боснии и Герцеговины), венское правительство стало принимать усиленные меры к тому, чтобы в случае войны с Россией вызвать народное движение в Галиции, которое, переброшенное на территорию Царства Польского, повело бы к восстанию целого польского народа против России.

До 1911 г. эти условия австрийского правительства не находили в польском обществе никакого отзыва, так как польской политикой в Австрии руководили тогда национальные партии, и во главе парламентской польской репрезентации стояла „национальная демократия“, которая явно поставила главной своей задачей разорвать союз Австрии с Германией.

Эта явно антигерманская политика национальных партий вызвала, однако же, сильную против них борьбу со стороны венского правительства, которое в 1911 г. при выборах в парламент всякого рода нелегальными средствами подавило национальную демократию, устраняя ее тем же самым от всякого влияния на правительство и его политику в Галиции.

Большинство же новоизбранного тогда (1911 г.) „польского кола“, состоящее из радикальных и юдофильских партий, провозгласило, что „одобряет вполне внешнюю политику монархии“, считая польские национальные интересы идентичными с интересами австрийского государства.

По поводу этой резолюции большинства польского кола разделилось польское общество уже в 1911/12 г.г. на два резко противоположных лагеря: 1) лагерь германофильский, к которому примкнули все социалистические, радикальные и юдофильские партии под руководством т. н. „краковских консерватистов“, стоящих в самой тесной связи с династией; 2) лагерь славянский, состоящий из истинно-польских национальных партий, обществ и организаций.

*) Там-же, л. 57

2. Рознь и борьба этих двух лагерей усилилась еще больше во время балканской войны. Австрийское правительство составило осенью 1912 г. из социалистов радикальной крестьянской сословной партии, т. н. „людовцев“, радикальных демократов, руководимых евреями, и нескольких авантюристов без серьезного влияния на общественное мнение т. н. „комиссию сконфедерированных партий независимости“ (иначе называемой тоже „предварительной комиссией“), которая приступила сейчас к организации добровольческих отрядов под названием „стрелковые союзы“, с явной целью подготовить восстание в Царстве Польском. Национальные партии, однако же, имеющие большинство в „Национальном Совете“, избираемом всеми польскими депутатами в сейм и парламент, издали прокламацию, призывающую польское общество к спокойствию и порицающую деятельность „предварительной комиссии“. Председатель же „Национального Совета“ г. Ценский устроил у себя в Пеняках совещание польских деятелей из всех трех частей Польши, на котором представители Царства Польского самым решительным образом высказались против какого-нибудь содействия польского народа с Германией и объявили, что в столкновении славянского мира с германским народонаселением Царство Польское станет на стороне России.

В продолжение всего 1913 г. и в 1914 г., до самого объявления войны, велась в польской печати постоянно полемика на счет „предварительной комиссии“, которая, несмотря на поддержку со стороны правительства и ревностную защиту со стороны юдофильских журналов, теряла все больше почву в польском обществе. Национальные партии успели отторгнуть от нее постепенно большинство „людовцев“, всю молодежь, за исключением социалистов, а также американские польские общества, которые в первое время снабдили „предварительную комиссию“ крупными денежными средствами.

3. Для противодействия же соблазнительному влиянию на молодежь военных упражнений и парадов, устраиваемых „стрелковыми союзами“, находящийся под влиянием национальной демократии „Сокол“, который до той поры был чисто гимнастическим обществом, вместе со „Скаутом“, равным образом как созданные для противодействия украинским „Сичам“ „Бартошове дружины“, включили в программу своей деятельности воинские упражнения, но когда „стрелковые союзы“ организовали военные отряды, роты

и батальоны, имели своих офицеров и стояли в тесной связи с австрийской армией, „соколы“ и „Бартошовые дружины“ наметили своей целью милитарное воспитание общества, а не сотворение вспомогательных отрядов. Поэтому-то, несмотря на постоянные препятствия, какие ставило правительство „соколам“ (это не мешало венской прессе постоянно угрожать России „соколами“, будто бы ожидающими только минуты войны с Россией), защищали они ревностно свою независимость от правительства и австрийских воинских сфер, которые откомандировали целый ряд будто бы отставных офицеров, с тем, чтобы они, поступивши в „соколы“, свели их с той разумной почвы, на которую сокольские общества стали. К счастью, центральное управление „Сокола“ предвидело во-время угрожающую опасность. Составилось весной н. г. во Львове громадное собрание „Сокола“, свыше 900 членов, на котором т. н. военная партия осталась вполне в меньшинстве.

4. С объявлением войны все польские партии в Галиции, без различия политических своих соображений, заявили, что поляки в Галиции выполняют до конца свою гражданскую повинность по отношению к своему монарху, считая, что этого национальная честь требует, чтобы никто не мог упрекать поляков в неблагодарности.

5. Австрийское правительство не хотело, однако же, удовлетвориться этим, не хотело оно понять того громадного самопожертвования польского народа, который, в значительном большинстве понимая, что победа Германии угрожает Польше самыми печальными последствиями, решил отплатить своей жизнью монарху все то хорошее, что от него во время мира получили. Австрийское правительство потребовало от поляков, чтобы они, идя дальше своей повинности к государству: 1) возбудили восстание в Царстве Польском, 2) вызвали всеобщую народную войну в Галиции против русских войск в случае их наступления.

6. Согласно с этими указаниями австрийского правительства, „предварительная комиссия“ (социалистические, радикальные и юдофильские партии) объявила сейчас восстание против России, отправила „стрелковые союзы“ в Царство Польское, а вскоре затем объявила „Национальный жонд“ (национальное правительство), который будто бы состоялся в Варшаве, и потребовала беспрекословного ему подчинения целого народа, угрожая террором всем сопротивляющимся восстанию.

7. В противодействие этим затеям организовался во Львове „Центральный национальный комитет“, который задал себе задачу удержать в спокойствии польское общество и воспрепятствовать социалистическим попыткам восстания, оставаясь, впрочем, вполне легальным по отношению к государству. К нему примкнули из партий национальная демократия, восточные консерватисты, национальные консерватисты (т. н. „центрум“), католическая партия, умеренная часть сословной крестьянской партии „людовец“ (разделилась она год тому назад на две части—радикальную и умеренную), из организации „Сокола“ и „Бартошовые дружины“, а также часть „стрелковых дружин“, другая их часть примкнула к „стрелковым союзам“, соответственно тому, как разделилась „людовая партия“, под влиянием которой организовались и состояли вообще стрелковые дружины. „Центральный национальный комитет“ издал прокламацию против „Национального жонда“.

А чтобы воспрепятствовать явному намерению австрийского правительства ввести „соколов“ хотя бы поневоле в бой, на что указывало распоряжение министерства войны, зачисляющее сокольские общества в ландштурм, „Центральный национальный комитет“ созвал во Львове всех вооруженных „соколов“ и членов „Бартошовых дружин“, устраняя их таким образом от линии боя.

8. Предпринятая социалистическими „стрелковыми союзами“ революционная акция на территории Царства Польского оказалась совершенно безуспешной вследствие нежелания со стороны тамошнего народонаселения. Венское правительство приписывало, однако же, эту неудачу тому, что отправились в Царство Польское лишь социалистические отряды, а „соколы“ отказались от содействия.

Началось неимоверное давление на „соколов“ и на „Центральный комитет“, чтобы он немедленно слился в одну организацию с „предварительной комиссией“. Юдофильская печать упрекала постоянно „соколов“, что они „упражняются“, когда „стрелковые союзы“ проливают кровь за отечество. Национальной же печати было воспрещено хотя бы одним словом критически высказаться против „стрелковых союзов“.

Венская печать славил победы „стрельцов“, которых вовсе не было. Сам великий князь Степан в Живце призывал „соколов“ последовать блестящему примеру „стрелковых союзов“. Каждого же, кто явно предостерегал молодежь, полиция арестовывала.

Депутат в сейм Томака был арестован и приговорен к 2 годам тюрьмы за то, что обращал внимание крестьян на то, что в русском войске сражаются те же поляки. В таких условиях „Центральный национальный комитет“ убедился, что дальнейшее явное сопротивление невозможно, так как правительство комитет готово было закрыть, а членов его, пользующихся особенным влиянием на молодежь, арестовать, после чего единственным руководителем общества осталась бы германофильская революционная „предварительная комиссия“ с лживым несуществующим вовсе „Жондом национальным“. Надо было принять совсем иную тактику.

„Центральный национальный комитет“ согласился соединиться с „предварительной комиссией“ на условиях:

1) Все партиям, не исключая социалистов, объявить, что тайный „Национальный жонд“ не существует больше.

2) Уничтожен будет орган этого „Жонда“ в Галиции, т.-е. самая же „предварительная комиссия“.

3) Организуется „Верховный национальный комитет“, которому все партии и организации подчиняются.

4) Никакое решение в том, что касается Царства Польского, недопустимо без согласия организации, которая бы в Царстве Польском состоялась на тех же началах, что „Верховный комитет“ в Галиции.

5) „Верховный комитет“ закроет до сих пор существующие польские добровольческие отряды, а вместо них будут организованы „легионы“, входящие в состав регулярных австрийских войски которых команда будет зваться „императорской и королевской командой польских легионов“.

Взамен зато национальные партии должны были оставить без протеста воззвание „польского кола“, не соответствующее их убеждениям. Но одержали самое главное: 1) прекращение попыток вызвать восстание в Царстве Польском, 2) разоблачение истинного значения „польских легионов“, которые с той поры потеряли увлекающий горячую молодежь романтический характер.

9. „Сокол“, „Бартошове дружины“ и „стрелковые дружины“ отказались, как организации, в полном своем составе принять участие в „легионах“, предоставляя отдельным своим членам полную свободу решения в этом отношении. Национальные же партии развили успешную агитацию среди членов этих организаций против легиона. А „Восточная секция Верховного комитета“, чтобы отослать сконцентрированных во Львове „соколов“ еще дальше от линии сражений, отправила их в Санок с графом Скарбек, как

политическим комиссаром. Затем уже, после занятия Львова русскими войсками, „соколы“ перешли из Санока в Ясло, из Ясла в Новый Торг, где окончательно отказались поступить в легион и были распущены по домам графом Скарбек.

По полученным мною известиям, более двух третей сейчас, однако же, были призваны к воинской повинности, при чем австрийские власти не обращали никакого внимания на лета призываемых. Кто не имел при себе документов, которыми мог бы доказать, что у него нет надлежащих лет, был взят в рекруты. Делает это впечатление прямой мести на национальной польской молодежи за ее отказ служить орудием того громадного обмана, который австрийское правительство систематически, еще с 1911 г., организовало, чтобы привлечь польский народ на сторону германского мира в его борьбе против славянского мира.

Заключение.

1) Польское общество в Галиции в продолжение 3¹/₂ лет отстаивало в тяжелой борьбе с правительством, с одной стороны, и социалистической и юдофильскими партиями, с другой стороны, независимость от указаний с Берлина своей национальной политики.

2) Благодаря неутомимой деятельности национальной печати не только в Галиции, но и в Царстве Польском, а во время уже войны тактике Центрального комитета в Галиции: а) попытки социалистических „стрелковых союзов“ вызвать восстание в Царстве Польском остались безуспешными; б) усилия правительства возбудить в Галиции народную войну против России остались тоже без успеха; в) „польские легионы“, которые, по расчетам венского правительства, должны были составиться в силе двух дивизий, состоят из нескольких только стрелковых батальонов, составленных преимущественно из самых социалистических рабочих.

3) Вследствие, однако, террора со стороны правительства и демагогии радикальных партий, а что самое печальное, бесхарактерности преданных венскому правительству большинства парламентских депутатов, значительная часть польского населения в Галиции высказалась с об'явлением войны на стороне германского мира.

4) По мере, однако же, того, как польское народонаселение в Галиции получает сведение о манифесте верховного вождя великого князя Николая, а одновременно обнаружи-

вается все больше лицемерие австрийского правительства по отношению к Польше, польское общество в Галиции все больше тоже становится на славянскую точку зрения. И можно серьезно уже надеяться, что в самом кратком времени оно в целости присоединится в своих соображениях и чувствах к Царству Польскому.

Из членов бывшего Верховного комитета принадлежат к партиям национальным, которые сначала до конца стояли на славянской точке зрения и противодействовали намерениям австро-германской политики, национальные демократы: профессор Гломбинский, доцент Развадовский, граф Скарбек, купец Ридль и Грабский; национальные консерватисты: председатель Национального Совета Ценский, профессор Кашница, князь Чарториский, князь Любомирский, граф Пининский, редактор, из католической партии священник Зайховский и Пшигодский.

К партиям же германофильским—социалисты: Дашинский, Худец, Марек, Хауснер, радикальный демократ Сливинский, евреи Штейнхауз и Сарэ и вполне преданные венскому правительству юдофильские демократы: председатель польского кола Лео, вице-президент парламента Герман, депутат Федерович, а также из краковских консерватистов профессор Яворский. Остальные все время колебались между этими двумя группами, первой решительно славянофильской, второй решительно германофильской. Можно рассчитывать, что большинство из них, если не всех, можно будет убедить, а это будет иметь большое значение, если именно те, которые не имели до тех пор марки руссофильской, присоединятся к соответственному воззванию, которое бы вышло уже не от имени только Царства Польского, но всего польского народа. Так что на стороне Германии остались бы одни социалисты.

Профессор Станислав Грабский.

**Письмо военного генерал-губернатора Галиции
гр. Бобринского Янушкевичу *).**

Копия.

Милостивый государь Николай Николаевич.

Председатель польской народной демократической партии профессор Грабский обратился ко мне с просьбой разре-

*) Там-же, ч. I, л. 65.

шить ему собрать в январе месяце во Львове выдающихся поляков разных партий для обсуждения вопросов, связанных с настоящей войною и с будущей судьбой польских провинций России, Австрии и Германии.

Грабский надеется, что ему удастся собрать во Львове около 100 наивиднейших польских деятелей всех партий как из губерний Царства Польского и занятых нами областей Галиции, так и из находящихся в Австрии и Венгрии; последние смогут проехать во Львов через Румынию.

Заседание этих представителей должно продлиться несколько дней, обсуждаемые вопросы оглашению не подлежат, и Грабский надеется при их посредстве объединить все польские партии и окончательно убедить поляков Галиции примкнуть к обще-польскому движению в пользу России.

Так как я вполне доверяю политической искренности профессора Грабского, то, со своей стороны, я не встречаю препятствий к исполнению его желания, хотя, очевидно, что съезд 100 польских деятелей во Львове не удастся сохранить в тайне, и поневоле их прения и заключения станут рано или поздно известными всему польскому населению.

На этом основании, раньше, чем дать профессору Грабскому утвердительный ответ, я счел необходимым запросить мнение вашего высокопревосходительства по сему поводу.

Одновременно профессор Грабский представил мне прилагаемую к сему записку, в которой кратко изложены те права, которыми пользовалось население Галиции при австрийском владычестве, и набросок проекта воззвания к полякам при введении военно-гражданского управления в Западной Галиции, которое, по мнению Грабского, необходимо будет обнародовать, дабы окончательно убедить колеблющихся поляков в искренности намерений русского правительства.

Из этой записки ваше высокопревосходительство усмотрите, что главные основания будущего самоуправления Польши, по мнению Грабского, заключаются в свободном пользовании польским языком, в свободе вероисповедания и законодательной и административной автономии по всем делам, касающимся внутреннего устройства будущей Польши.

Со своей стороны, находя об'явление такого воззвания весьма нужным для внушения доверия польскому населению Западной Галиции, я, однако, опасался бы издать его в вышеуказанном об'еме, а ограничился бы или только

напоминанием о воззвании верховного главнокомандующего к полякам, или указанием на свободу языка и веры, но не касаясь вопросов автономии.

Впрочем, я, конечно, не берусь разрешать этот вопрос, связанный со всей будущей политикой нашей в Польше, а буду ожидать по сему поводу указаний вашего высокопревосходительства.

Приложения: 1) копия письма профессора Грабского и 2) копия докладной записки.

Уважающий вас
покорный слуга *граф Бобринский*.

г. Львов. 25 декабря 1914 г. № 7122.

Письмо проф. Грабского гр. Бобринскому. *)

Копия.

Его сиятельству военному генерал-губернатору Галиции графу Бобринскому.

Ваше сиятельство.

Честь имею просить разрешить мне в момент, когда ход военных действий делает это технически возможным, созвать во Львове собрание серьезных деятелей польских общественных и политических из уездов и городов Галиции, приблизительно в числе 100 лиц, вместе с представителями „Национального комитета“ в Варшаве, чтобы провести присоединение польского общественного мнения в Галиции к политике того же „Национального комитета“. Протокол собрания этого будет, по желанию, представлен вашему сиятельству.

Станислав Грабский.

Копия.

Докладная записка.

Суть прав польского народа в Галиции [должна] состоять в следующем:

1) Польский язык в школах, от университета до народных школ, как язык преподавания и их внутренней администрации (немецкий язык обязательно изучался и в народной школе и в средних учебных заведениях).

*) Там-же, л. 67.

2) Самоуправление на почве школьного дела. Всеми без различия учебными заведениями, принадлежало ли законодательство на их счет сейму или рейхсрату, кроме только университета, управлял, т.-е. надзирал за ними, назначал учителей, устанавливал планы науки „областной учебный совет“, состоящий из депутатов от органов самоуправления и назначенных монархом лиц под председательством наместника.

3) Польский язык во всех присутственных местах без исключения в сношениях с посторонними лицами, за исключением почты, железных дорог, жандармерии по внутренней переписке. В сношениях с министерствами и военными властями употреблялся всегда язык немецкий.

4) Польский состав всех административных органов и вообще государственных учреждений (на началах, конечно, полного равноправия и с русским и с немецким населением Галиции).

5) Автономное законодательство по делам:

а) народных, реальных и технических школ,

б) общинного устройства,

в) внутренней культуры, т.-е. всего землеустройства и аграрных учреждений и законов, устройство больниц, местных путей сообщений, равно как всех учреждений для благосостояния страны в пределах общих законов.

6) Автономная администрация („областная управа“), избираемая сеймом под председательством назначенного монархом из сеймовых депутатов („маршала“) по делам, истекающим из компетенции сейма.

Все права, не вызывая недоразумений, можно было бы определить, однако же, в кратких словах, как пример в воззвании того рода:

„Поляки, победоносные русские войска заняли теперь и ту часть Галиции, которая, по словам верховного вождя, войдет в состав возрожденной и об'единенной под скипетром русского монарха Польши. Вы вновь соединены с 10 миллионами ваших братьев, с которыми свыше 100 лет вы были разделены граничными столбами, но с которыми вы всегда чувствовались одним народом.

После, даст бог, счастливого конца войны будете составлять с ними один политический организм и вместе с ними будете пользоваться национальными свободами и правами, которые (ни в каком случае) не будут меньше тех, которые вы до сих пор имели: польский язык в школе, в общественной жизни и в присутственных местах, законо-

дательная и административная автономия по всем делам внутренней культуры хозяйства и внутреннего устройства, „свободной в сохранении своей веры, языка и самоуправления“ Польши обеспечила вам Россия историческими словами его императорского высочества Николая Николаевича...

Письмо Янушкевича гр. Бобринскому *).

Копия.

Милостивый государь граф Георгий Александрович.

Я докладывал августейшему верховному главнокомандующему о ходатайстве профессора Грабского относительно созыва с'езда польских деятелей в городе Львове и представленных вашим сиятельством по поводу этого ходатайства соображениях, и его императорское высочество повелел мне сообщить вам следующее:

При вступлении в ближайшем времени в должность вновь назначенный варшавским генерал-губернатором генерал-лейтенант князь Енгалычев, с высочайшего соизволения, имеет произнести в Варшаве речь, в которой будет изложено отношение к польскому вопросу и которая, таким образом, будет носить характер общей программы, построенной в развитие начал, возведенных в воззвании великого князя.

При таких условиях, с одной стороны, очевидно, исключается надобность в каких-либо дальнейших обращениях русской власти к польскому населению и в Западной Галиции, а, с другой стороны, самый созыв с'езда в настоящее время, до произнесения князем Енгалычевым упомянутой речи и выяснения произведенного ею впечатления, представляется преждевременным.

Вместе с тем, великий князь изволил обратить внимание, что, в случае, если доблестью русского оружия польские земли будут окончательно отторгнуты из-под иноземного владычества, то центром их управления и общественной жизни, попрежнему, конечно, останется Варшава. В предвидении сего, по мнению его императорского высочества, этот город и ныне предпочтительно избрать в качестве места собрания польских деятелей, буде предполагаемый с'езд должен состояться из представителей всех трех частей Польши и иметь, следовательно, общепольский характер. Если же с'езд, который собирался созвать про-

*) Там-же, л. 69.

фессор Грабский, лишен подобного значения и участниками его явятся только местные галицкие деятели, то решение относящихся до созыва такого частного совещания вопросов августейший верховный главнокомандующий признал соответственным предоставить усмотрению вашего сиятельства.

Сообщая об этом, прошу вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем уважении.

4 января 1915 г.

№ 1301.

Н. Янушкевич.

Письмо гр. Бобринского Янушкевичу *).

Копия.

Милостивый государь Николай Николаевич.

Во исполнение предписания верховного главнокомандующего, изложенного в письме вашего высокопревосходительства от 4 января № 1301, я сообщил профессору Грабскому, что организация собрания польских деятелей, вызванных из Познани, Царства Польского и Галиции, признается нежелательной, но современем, после падения Перемышля, я не предвижу препятствий к устройству совещания представителей польского населения Западной и Восточной Галиции, с тем, чтобы эти представители публично высказались за объединение их деятельности с польскими организациями в Варшаве и одновременно выразил и свои верноподданнические чувства государю императору.

Профессор Грабский отнесся к моим соображениям вполне сочувственно, но просил только о двух вещах:

- 1) чтобы было разрешено прибыть на такое совещание двум представителям польского комитета в Варшаве, которые пригласили бы совещание примкнуть к их организации, и
- 2) чтобы я в ответ на выражение их верноподданнических чувств сказал несколько слов о проектируемой политике русского правительства в Западной Галиции; Грабский желал бы, чтобы польскому населению Западной Галиции было обещано, в общих чертах, не вдаваясь в подробности, сохранение тех же прав, которыми оно пользовалось при австрийском владычестве.

Хотя теперь, может быть, и преждевременно окончательно разрешать эти вопросы, тем более, что князь Енгальчев еще не произносил речи, упоминаемой в вашем

*) Там-же, л. 70.

письме, но я все-таки желал бы, если вы признаете возможным, получить по этому поводу руководящие указания.

К сему считаю долгом добавить, что деятельность профессора Грабского внушает мне с течением времени все больше доверия и что главным образом благодаря ему большая часть колебавшихся до сих пор представителей польского населения Восточной Галиции постепенно и открыто переходит на сторону России, примером чему может служить, что во вновь основанное с моего разрешения благотворительное общество для помощи населению Западной Галиции, под председательством товарища Грабского—доктора Павликовского, вошли представители самых разнородных частей польского общества, что еще месяца два тому назад было немыслимо.

Пользуюсь случаем, чтобы одновременно сообщить вашему высокопревосходительству, что за последний месяц мне пришлось несколько раз разговаривать как с местными польскими помещиками и жителями Львова, так и с приезжавшими сюда поляками из Варшавы. Все они выражают надежду на скорое объединение Познани, Царства Польского и Западной Галиции под русским владычеством и уверенность в применении к этим областям оснований, изложенных в воззвании верховного главнокомандующего. Все они, повидимому, примиряются с мыслью, что Восточная Галиция станет вполне русской областью, и что они потеряют в ней свое прежнее господство, но они очень надеются, что им предоставлено будет равноправие с русскими, т.е. свобода вероисповедания, полноправие в выборах и в назначениях на государственную службу, а также разрешение иметь польские школы для польской части населения Восточной Галиции, конечно, с обязательным изучением русского языка, которому,* впрочем, многие из них теперь уже усиленно и демонстративно учатся. На все запросы по этому поводу я до сих пор отвечал полным незнанием взглядов на этот предмет правительства, однако, признавал бы желательным получить от вашего высокопревосходительства и по этому поводу руководящие указания, при чем должен заметить, что если бы означенные пожелания поляков признаны были подлежащими удовлетворению, то это рассеяло бы опасения поляков о будущем их положении в Восточной Галиции и окончательно привлекло бы колеблющиеся элементы на нашу сторону.

Уважающий вас покорный ваш слуга

граф Бобринский.

30 янв. 1915 г. № 3284.